

Счастливый пленник Мельпомены

Портрет с монологами

Коварная профессия - лицедей. Жажда славы, успеха, известности у публики, как нарочно, противоречит извечному желанию актера оставаться притягательной тайной и держать зрителя в неведении по поводу твоего истинного возраста, цвета волос, сердечных влечений и горьких обид. Но рано или поздно приходит разоблачительный юбилей, и «закулисье» актерской судьбы ненадолго распадается для досужего взора. Вот сам именинник с как будто бы виноватым рассказом: родился... учился... осознал признание... вылетел, как бабочка из кокона, на свет прожекторов...

Вот у его плеча с цветами - многотерпеливая супруга, вечная заноза в сердце поклонниц. Вот - дети юбиляра, похожие и непохожие на него, но уже с заметным отблеском славы отца на своих праздничных нарядах.

Актерский юбилей отчасти - парад, заранее срежиссированное зрелище, отчасти - в глубине - подведение итогов. Недолгие именины сердца, убаюкивающие прикосновения комплиментов, обволакивающий флер улыбок и благоговий. Чтобы потом снова на десятилетие нырнуть в свое «закулисье», в тайну творчества - до следующего юбилея.

У Владимира Ефремова (которому нынче - пятьдесят и у которого за плечами тридцать лет сценической работы) на первый взгляд - почти образцовая актерская судьба. Сыграно множество ролей, и ролей значительных, зачастую - главных. И все - на одной-единственной сцене, Вильнюсского Русского драматического театра, куда ступил еще студентом Консерватории.

Много ли было за эти тридцать лет почти семейной жизни периодов «спокойного счастья»? Ровного, уверенного дыхания?

"Не могу сказать, что вообще в моей жизни были такие периоды - спокойные. Были моменты уверенности в общей судьбе нашего театра, а творческого спокойствия, удовлетворенности не было для меня никогда. По-моему, иначе и не бывает. Но никакое личное беспокойство по поводу отдельной роли или спектакля не сравнимо с тревогой за судьбу своего театра, своего дома. Тем

паче, что никакого другого дома - никакого другого русского театра в Литве просто не было и нет".

И нынешний юбилей Владимира - опять как бы нехоти. В театре - далеко до благополучия и до спокойствия вообще. Снова - смена лидера. Которого уже по счету за последние лет пять?

А ведь были, были счастливые времена согласия и творческой наполненности. Зрительский бум 70-х - начала 80-х, надолго

и запоминающиеся спектакли, в том числе и с Владимиром в центральных ролях, время от времени появлялись.

Что стабильно выручало Владимира во всякие времена - счастливые и не очень - так это прекрасное «чувство партнера». И в жизни человек бескорыстный, на сцене он отдает своему коллеге буквально все внимание. Особенно - партнерам. Сколько своих сценических возлюбленных он поднимал на недостижимую высоту

кем угодно: еще очень неопытным актером со своими ограниченными способностями, мог быть даже просто не совсем готов к спектаклю, но когда мы выходили с ней на сцену, она давала мне такой импульс, так завораживала, что невольно до нее тянулся, и у тебя начинало что-то получаться. С ней нельзя было соврать. То же самое могу сказать и о Татьяне Майоровой...

Казалось бы, за тридцать лет на одной сцене и от партнеров можно устать. А можно - сродниться, пройти долгий путь узнаваний и разочарований и дойти до сути, вечно прекрасного и

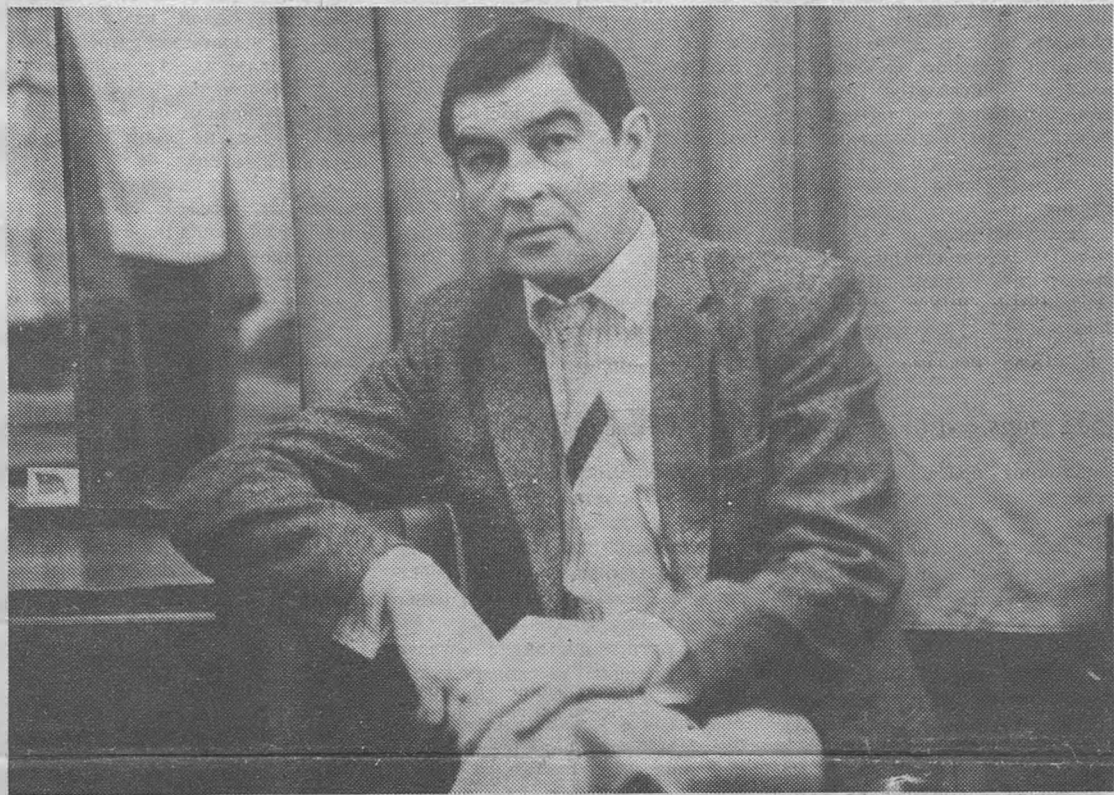
Я - слава Богу! - играл не только героев. Всякое было - и драные костюмы, и не самые красивые слова... А как удастся сочетать блеск сцены, ее прожекторов и жизнь? Богатство - это ведь не только полный кошелек. Он у актера если и не пуст вообще... Но если ты кому-то что-то дал, кто-то заплакал, засмеялся, посветлел душой - ты уже не беден, ты наполнен этой радостью отдачи.

Вообще мне не удастся «чисто» разделить свою жизнь на «театр» и «нетеатр», хотя многим актерам это гораздо удобнее. Я же - не могу. Может, оттого, что я всегда был очень много занят в репертуаре, и эти перерывы между театром и жизнью почти незаметно сливаются, хотя я делаю все те же дела, что и другие люди: и в очередях маюсь, и по хозяйству бегаю. Но шлейф от театра все остается, не исчезает совсем, не прерывается, потому что это - моя вторая жизнь, мое второе существование, которое меня поддерживает".

С четырех лет и - выходит - пожизненно Владимир Ефремов - виленчанин. Это звание больше, чем национальность, недвижимое имущество предков и классовые убеждения. Виленчанин - это судьба.

«Безумно люблю Вильнюс. Безумно. Он даже сейчас на меня странно влияет... Вот есть знатоки города, которые досконально знают его древнюю историю, видных деятелей. Я, кажется, это тоже более или менее знаю. Но Вильнюс для меня - это живое, меняющееся существо. Я знаю, где была одна мостовая, и какая именно, и какая теперь расположена на ее месте. Я знаю все проходные дворы, все задворки. Мой любимый район - тот, где я вырос, рядом с Аушросвартай, Свято-Духовым монастырем... Надеюсь, что и я воспринял от моего города его особое тепло, особую культурную атмосферу, его многоязычие...

Рядом со мной работают мои друзья, актеры, поменявшие много сцен, видевшие много городов. Я иногда им завидую: они меняли свою жизнь, бывая в разных точках судьбы, в разных обстоятельствах. Но ведь и через меня, не перемещавшегося в пространстве, прошло тоже множество людей с их уникальными характерами, иногда недолгими личными способностями, сколько прошло через меня - просто персонажей... Я иногда удивляюсь не на шутку, сколько во мне самом накопилось от этих знакомств и запомнилось в каких-то мелких черточках или цельных образах. Я невероятно обогатился, расширился за счет этих встреч. И - кто знает? - состоялись бы они, если бы я сам уезжал куда-то? Я говорю так вовсе не потому, что выхода у меня нет иначе думать - просто я принял свою судьбу как есть. И благодарен ей".

запомнившийся режиссерскими работами Хигеровича, Ланского, Петрова и, конечно, Романа Виктюка.

«Мне довелось работать с ним в пяти или шести спектаклях, т.е. практически во всех, кроме первого. Его прекрасная режиссерская черта состояла, помимо богатого чисто творческого потенциала, еще и в том, что он давал нам глубокую уверенность в себе. Как он этого добивался? Да просто доверял актеру, и он рос вместе с режиссером. А когда появлялись спектакли, мы видели, что они нужны зрителю, тогда и появлялась уверенность за сам театр».

Это было - банально повторять - трудное и прекрасное время. Все трудности были в поисках, в творчестве. К сожалению, потом это состояние вдохновенного единства стало сходиться на нет, хотя отдельные сильные

своим пронзительным лиризмом, трепетным обожанием, ненавязчивыми, никогда никого не заслоняющими почти балетными «поддержками»! Сколько усталых и до времени забывших о себе женщин - героинь современной драматургии - расколдовал, раскрепостил он своим вниманием, дыханием, восхищением!

«Мне повезло на хороших коллег-актеров - это правда. Причем повезло с самого начала. Когда совсем еще мальчишкой пришел в театр, то застал старую актерскую гвардию - Бориса Красильникова, Николая Трусова, Монику Миронойте. Мог бы еще и еще перечислять. Многих из них, к сожалению, уже нет в живых... Потом в нескольких спектаклях моей партнершей была незабываемая Валентина Петровна Мотовилова. Я мог быть

нового естества, и отнестись к своему партнеру как к любимому существу, которое никогда не может стать скучно-привычным. Пока любишь, конечно. Хватило бы только сердца.

А привычки в жизни - еще коварнее. На сцене ты - герой, в лучшем костюме, в центре внимания, в радужном свете прожекторов - блестящий любовник, яркий протагонист. Как трудно, верно, потом сойти с подмостков, надеть стандартный наряд «от Мосшвейпрома» и в стоптанных туфлях зашагать в безликой, усталой толпе. Так и живут с нами актеры, богачи и бедняки одновременно.

«У нас в театре много лет назад был великолепный портной, который говорил: "Что вы нервничаете, Владимир Иванович? Вам ничего не нужно будет играть - я вам сшил такой костюм!..."